

Введение

Принимая сознание всерьез

Сознание — величайшая тайна. Это, возможно, наибольшее из громадных препятствий на нашем пути к научному пониманию мира. Физика еще не завершена, но хорошо понята; биология разгадала многие древние тайны, окружавшие природу жизни. Наше понимание в этих областях не лишено пробелов, но они не выглядят неустраиваемыми. Мы представляем, как можно было бы решить эти проблемы; нам надо лишь уточнить детали.

Большой прогресс был даже в науке о ментальном. Недавние исследования в когнитивной науке и нейронауке ведут нас к лучшему пониманию человеческого поведения и движущих им процессов. Конечно, мы не располагаем множеством детальных теорий познания, но они не за горами.

Сознание, однако, остается столь же загадочным, как и раньше. По-прежнему кажется совершенно таинственным то обстоятельство, что продуцирование поведения должно сопровождаться субъективной внутренней жизнью. У нас есть серьезное основание полагать, что сознание порождается такими физическими системами, как мозг, но мы плохо понимаем, как это происходит или почему оно вообще существует. Как такая физическая система, как мозг, могла бы быть еще и *субъектом опыта*? Почему *что-то* в ней должно показывать, *каково это* — быть такой системой? Современные научные теории едва ли вообще касаются действительно сложных вопросов о сознании. Дело обстоит не так, что у нас нет детальной теории; мы абсолютно не понимаем, как сознание встроено в природу.

За последние годы появилось немало книг и статей о сознании, и можно было бы подумать, что мы движемся вперед. Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что большинство этих работ обходит стороной самые трудные проблемы сознания. Зачастую в них обсуждается то, что можно было бы назвать «легкими» проблемами сознания. Как мозг обрабатывает стимулы, идущие из окружающей среды? Как он интегрирует информацию? Как мы формируем отчеты

о внутренних состояниях? Это важные вопросы, но ответ на них не решает трудной проблемы: почему все эти процессы сопровождаются переживаемой в опыте внутренней жизнью? Иногда этот вопрос полностью игнорируется; иногда откладывается до лучших времен; а иногда попросту декларативно объявляется разрешенным. Но в каждом из этих случаев у нас остается чувство, что главная проблема столь же загадочна, как и прежде.

Эта загадочность, впрочем, не повод для отчаяния; скорее, она делает проблему сознания одним из наиболее волнующих интеллектуальных вызовов нашего времени. Поскольку сознание и столь фундаментально, и так плохо понято, решение этой проблемы может оказать глубокое воздействие на наше представление о мире и о самих себе.

Я оптимист в вопросе о сознании; я считаю, что в конце концов у нас будет теория сознания, и в этой книге я занимаюсь ее поисками. Но сознание — не рутинная вещь; если мы хотим добиться реальных результатов, то вначале мы должны поговорить о том, что делает эту проблему настолько сложной. Затем мы сможем приступить к теории, без шор и с четким представлением о том, какую задачу нам предстоит решить.

В этой книге я не решаю проблему сознания раз и навсегда, а пытаюсь взять ее под контроль. Я стараюсь прояснить существо проблем, доказываю, что стандартные методы нейронауки и когнитивной науки не годятся для их разрешения, а затем я пытаюсь сделать какие-то шаги вперед.

Разрабатывая свою концепцию сознания, я старался придерживаться нескольких ограничений. Первое и наиболее важное из них состоит в том, чтобы *принимать сознание всерьез*. Самый простой путь создания «теории» сознания — отрицать его существование или так переопределить феномен, нуждающийся в объяснении, чтобы он перестал быть самим собой. Обычно это ведет к элегантной теории, но проблема никуда не уходит. На протяжении всей этой книги я исхожу из существования сознания и из неприемлемости такого переопределения проблемы, когда все сводится к объяснению реализации определенных когнитивных или поведенческих функций. Это я и имею в виду под серьезным отношением к сознанию.

Некоторые говорят, что сознание — это «иллюзия», но я даже плохо понимаю, что это могло бы означать. Мне кажется, что наша уверенность в существовании сознательного опыта превышает нашу уверенность в существовании чего-либо еще в мире. Временами я изо всех сил пытался убедить себя в том, что в действительности тут ничего нет, что сознательный опыт пуст, есть всего лишь иллюзия. В таком представлении есть нечто соблазнительное, и философы разных эпох

пытались обыгрывать его, но в итоге подобная картина совершенно неудовлетворительна. Я ощущаю оранжевое, погружен в это ощущение, и *что-то при этом происходит*. Здесь есть что-то, что нуждается в объяснении даже после того, как мы объяснили процессы различения и действия, и это что-то — *переживание*.

Конечно, я не могу *доказать*, что здесь скрывается дополнительная проблема, — именно потому, что я не могу доказать существование сознания. Мы знаем о сознании более непосредственно, чем мы знаем о чем-либо еще, так что здесь неуместно говорить о «доказательстве». В лучшем случае я могу приводить аргументы, где это возможно, и опровергать аргументы противоположной стороны. Нельзя отрицать, что на каком-то этапе это предполагает обращение к интуиции; но все аргументы так или иначе предполагают интуицию, и я пытался четко обозначать свои интуиции.

В этой связи можно было бы говорить о Великом Разделении, имеющемся в области исследований сознания. Если вы считаете, что решение «легких» проблем объясняет все, что нуждается в объяснении, то у вас получается один тип теории; если вы считаете, что кроме них есть и дополнительная «трудная» проблема, то у вас будет другой ее тип. В какой-то момент общезначимые *аргументы* становятся затруднительными, и обсуждения зачастую сводятся к ударам по столу. Мне кажется очевидным, что здесь есть некий дополнительный момент, нуждающийся в объяснении; другие же готовы принять, что ничего подобного не существует. (Неформальные опросы показывают, что сторонников первой позиции в два или три раза больше, причем эта пропорция мало меняется в зависимости от того, ученым и студентам из каких областей задается вопрос.) Не исключено, что нам надо попросту смириться с этим базовым разделением.

Эта книга может представлять интеллектуальный интерес для тех, кто думает, что здесь нет особой проблемы, но в действительности она предназначена тем, кто нутром ощущает эту проблему. В настоящий момент мы неплохо понимаем, какого рода теория будет у нас, если мы допустим отсутствие проблемы. В этой работе я пытался исследовать последствия признания нами *существования* проблемы. Аргументация этой книги, по сути, призвана показать, что *если* мы всерьез принимаем сознание, то в итоге мы должны будем прийти к позиции, которую я излагаю.

Второе ограничение, которого я придерживался, состоит в том, чтобы *всерьез принимать науку*. Я не пытался оспорить имеющиеся научные теории в тех областях, где они пользуются авторитетом. В то же время я не боялся ходить по краю в тех областях, где мнения ученых столь же далеки от основательности, как и мнения всех остальных.

К примеру, я не оспаривал тезис о том, что физический мир каузально замкнут или что поведение можно объяснить в физических терминах; но если физик или когнитивный ученый считает, что сознание может быть объяснено в физических терминах, то это не более чем упование, не фундированное современными теориями, и вопрос остается открытым. В общем, я пытался делать так, чтобы мои идеи были *совместимы* с современной наукой, но при этом не ограничивался идеями, популярными у современных ученых.

Третье ограничение состоит в том, что я признаю сознание естественным феноменом, подпадающим под действие законов природы. Если это так, то должна существовать *какая-то* корректная теория сознания вне зависимости от того, сможем ли мы найти ее. Трудно оспаривать, что сознание — естественный феномен: это крайне широко распространенный компонент природы, повсеместно возникающий у людей и, очень вероятно, у многих других биологических видов. И у нас есть все основания считать, что естественные феномены подпадают под фундаментальные законы природы; было бы очень странно, если бы сознание было исключением. Но это не значит, что естественные законы, связанные с сознанием, ничем не отличаются от законов в других областях, и тем более не значит, что они будут *физическими* законами. Они могут иметь совершенно иной вид.

Проблема сознания — беспокойная пограничная проблема, находящаяся на стыке науки и философии. Я бы сказал, что, по сути, это научный вопрос: речь идет о естественном феномене вроде движения, жизни, познания, требующем объяснения в том же ключе, что и они. Но его нельзя исследовать обычными научными методами. Привычная научная методология испытывает проблемы при работе с ним — не в последнюю очередь из-за трудностей, сопряженных с наблюдением этого феномена. Если отвлечься от случая с самим собой, то данные о нем получить непросто. Это не значит, что внешние данные не могут быть использованы, но перед тем, как мы сможем обосновать их релевантность, мы должны прийти к когерентной философской трактовке. Так что проблема сознания может оказаться такой научной проблемой, которая требует использования философских методов истолкования, предшествующего ее рассмотрению.

Выводы, к которым я прихожу в этой книге, кто-то может счесть «ненаучными»: я доказываю невозможность редуктивного объяснения сознания и даже привожу аргументы в пользу некоего дуализма. Но это всего лишь часть научного процесса. Некоторые виды объяснения, как выясняется, не работают, и поэтому мы должны использовать вместо них другие. Все, что я говорю здесь, совместимо с результатами современной науки; наша картина природного мира расширяется, а не отбрасывается. И это расширение открывает возможность для создания

натуралистической теории сознания, которая могла бы оказаться невозможной без него. Ненаучным, мне кажется, было бы *игнорировать* проблемы сознания; прямое же обращение к ним соответствует научному духу. Того, кто считает, что наука подразумевает материализм, я прошу подождать и посмотреть.

Должен заметить, что выводы этой книги — это именно *выводы*, в самом сильном смысле слова. По своему темпераменту я очень расположен к материалистическому редуктивному объяснению, и у меня нет выраженных спиритуалистических или религиозных наклонностей. Многие годы я питал надежду на материалистическую теорию; и я лишь с большой неохотой оставил ее. В конце концов мне стало ясно, что этих выводов нельзя избежать никому из тех, кто хочет всерьез принимать сознание. Материализм — это прекрасная и захватывающая картина мира, но для объяснения сознания мы должны использовать дополнительные ресурсы.

В настоящий момент я чувствую почти полную удовлетворенность этими выводами. Я не вижу у них каких-либо опасных следствий, и они дают возможность размышлять и теоретизировать о сознании в таком ключе, который превосходит иные варианты почти по всем параметрам. И расширение научного мировоззрения принесло позитивные результаты, по крайней мере для меня: мир стал казаться более интересным местом.

В этой книге четыре части. В первой я раскрываю проблемы и создаю модель, внутри которой с ними можно будет работать. Глава 1 — это введение в вопрос о сознании, разграничение ряда смежных понятий, указание того смысла, в котором сознание является по-настоящему интересным, и предварительное объяснение его нетривиального отношения к иным аспектам ментального. Глава 2 развивает метафизическую и объяснительную модель, внутри которой разворачивается значительная часть последующего обсуждения. Что означает редуктивное объяснение феномена, что означает его физичность? В этой главе разъясняются подобные вещи с акцентом на понятии супервентности. Я доказываю, что у нас есть серьезное основание считать, что *почти* всё в мире может получить редуктивное объяснение; но сознание может оказаться исключением.

После этих предварительных работ вторая часть фокусируется на нередуцируемости сознания. В главе 3 доказывается, что стандартные методы редуктивного объяснения не могут объяснять сознание. Я также критикую различные редуктивные концепции, предлагавшиеся в нейронауке, когнитивной науке и в других областях. Речь не идет о всего лишь негативном выводе: из него следует, что удовлетвори-

тельная теория сознания должна быть новой разновидностью *нередуктивной* теории. В главе 4 эта линия продолжается на основе доводов о ложности материализма и истинности одного из видов дуализма; здесь также обозначаются общие контуры возможной нередуктивной теории сознания. Глава 5 имеет по большей части оборонительный характер: здесь рассматриваются проблемы, которые, как кажется, связаны с моей позицией и касаются отношения между сознанием и нашими *суждениями* о сознании; и здесь доказывается, что эти проблемы не создают каких-либо фатальных трудностей для нее.

В третьей части я продвигаюсь к позитивной теории сознания. В каждой из трех глав здесь разрабатывается один из компонентов позитивной теории. Глава 6 фокусируется на «когерентности» между сознанием и когнитивными процессами, очерчивая ряд систематических связей между ними. Я использую эти связи для анализа и обоснования центральной роли, которую играют нейронаука и когнитивная наука при объяснении человеческого сознания. В главе 7 обсуждается отношение между сознанием и функциональной организацией; используются мысленные эксперименты для доказательства того, что сознание является «организационным инвариантом», то есть что всякая система с надлежащей функциональной организацией будет наделена однотипным сознательным опытом вне зависимости от того, из чего она сделана. В главе 8 рассматривается вопрос о том, какой могла бы быть *фундаментальная* теория сознания, и тут высказывается предположение, что в такой теории могло бы содержаться указание на тесную связь между сознанием и информацией. Эта глава, несомненно, наиболее спекулятивна, но на данном этапе, возможно, не обойтись без спекулятивных размышлений, если мы хотим двигаться вперед.

Последние две главы — это десерт. Здесь я применяю полученные ранее результаты к центральным вопросам, касающимся основоположений искусственного интеллекта и квантовой механики. В главе 9 доказывається тезис «сильного искусственного интеллекта», а именно то, что имплементация надлежащей компьютерной программы будет порождать сознающий ум. В главе 10 рассматривается запутанный вопрос о том, каким образом надо интерпретировать квантовую механику; развитые в предшествующих главах идеи о сознании используются здесь для того, чтобы поддержать «бесколлапсную» интерпретацию квантовой механики.

Не исключено, что наибольший отклик вызовет негативный материал, но моя подлинная цель позитивна: я хочу увидеть работающую *теорию* сознания. Когда я только пришел в философию, я был удивлен тем, что большинство дискуссий о сознании было сосредоточено на том, есть ли здесь проблема или нет, или на том, является ли оно

физическим, тогда как задача построения теорий, казалось, была отставлена в сторону. «Теории», похоже, выдвигали лишь те, кто (по моему мнению) не принимал сознание всерьез. Сейчас я уже тоже люблю тонкости онтологических дебатов, но детальная теория по-прежнему остается моей главной целью. Если какие-то из идей этой книги будут полезны для других при построении ими лучшей теории, то мою попытку можно будет считать успешной.

Эта книга задумана как серьезная философская работа, но я старался сделать ее доступной для нефилософов. В моей концептуальной аудитории всегда находилось мое студенческое Я десятилетней давности: надеюсь, что я написал книгу, которая понравилась бы ему. Несколько параграфов книги имеют технический философский характер. Они отмечены звездочкой (*), и читатели вполне могут пропустить их. Наиболее технический материал содержится во второй и четвертой главах. В четвертом параграфе второй главы, в параграфах 2 и 3 четвертой главы, а также в финальном параграфе пятой главы обсуждаются запутанные проблемы философской семантики. Другие отмеченные звездочкой параграфы можно хотя бы пробежать глазами, чтобы представлять, о чем идет речь. Зачастую я переношу очень уж технический материал и соображения по философской литературе в примечания, находящиеся в конце книги. Единственным техническим понятием, имеющим ключевое значение для данной книги, является понятие супервентности, которое вводится в начале второй главы. Это понятие имеет устрашающее название, но выражает вполне естественную идею, и его хорошее уяснение поможет упорядочить главные проблемы. Значительную часть материала, расположенного в последующих частях этой главы, можно пропустить при первом прочтении, хотя впоследствии может возникнуть желание вернуться к нему для прояснения возникающих по мере дальнейшего продвижения по тексту вопросов.

Краткий тур, избегающий технических деталей, начните с главы 1, затем пробегитесь по начальным частям главы 2 для задания фона, потом прочитайте всю третью главу (при необходимости проскакивая какие-то части первого параграфа), где содержатся главные аргументы против редуктивного объяснения, а также первый и последний параграфы главы 4, где представлены главные соображения относительно дуализма. Стоит прочитать начало шестой главы, чтобы в общих чертах представлять очертания позитивного подхода. Если говорить о позитивном материале, то, возможно, наиболее самодостаточной и увлекательной является глава 7 с ее легкими для понимания мысленными экспериментами с кремниевыми мозгами; а любители смелых и туманных спекуляций могут получить удовольствие от главы 8. Наконец, главы 9 и 10 должны быть предназначены для тех, кто интересуется обсуждаемыми в них вопросами.

Пара философских замечаний. Философская литература о сознании весьма несистематична; мы видим разные и, как кажется, независимые течения, внутри которых обсуждаются сходные проблемы без установления контакта друг с другом. Я попытался привнести некую структуру в этот хаос посредством унифицирующей модели, проясняющей различные метафизические и объяснительные проблемы. Большинство дискуссий, представленных в литературе, можно без потерь перевести на язык данной модели, и я надеюсь, что эта структура выявит глубокие отношения, которые существуют между различными проблемными моментами.

Данная работа, возможно, необычна в том плане, что здесь мало обсуждается философское понятие тождества (к примеру, между ментальными и физическими состояниями), и предпочтение отдано понятию супервентности. Я нахожу, что обсуждения, выстраиваемые в терминах тождества, обычно скорее запутывают, чем проясняют ключевые проблемы, и зачастую приводят к упущению главных трудностей. Супервентность, напротив, создает, похоже, идеальную модель для отработки ключевых проблем. Для избежания расплывчатого философствования мы, однако, должны сосредоточиться на *силе* супервентностной связи: заверена ли она логической необходимостью, естественной необходимостью или чем-то еще? Широко признано, что сознание в каком-то смысле супервентно на физическом; реальный вопрос в том, насколько прочна эта связь. Обсуждения, игнорирующие эти модальные вопросы, обычно проходят мимо труднейших вопросов о сознании. Скептики в вопросе о модальных понятиях скептически отнесутся и ко всему моему обсуждению, но, на мой взгляд, нет другого хорошего способа упорядочить эти проблемы.

Одно из радостных обстоятельств, связанных с работой над этой книгой, состояло для меня в том, что проблема сознания оказалась сопряжена с глубокими вопросами, существующими во многих других областях науки и философии. Однако охват и глубина этой проблемы делают ее и слишком большой. Я остро сознаю, что чуть ли не каждое место в этой книге можно было бы развернуть в более детальное обсуждение и что во многих случаях я лишь коснулся поверхности. Но надеюсь, что мне удалось хотя бы показать достижимость прогресса по проблеме сознания без отрицания его существования или редуцирования его к тому, чем оно не является. Проблема — удивительна, и у нее захватывающее будущее.

— Нет. — Хия остановилась и медленно повернулась к нему. Ее зеленоватые глаза округлились.
— Здесь тебе небезопасно. — Она в ужасе взглянула на дом и побелела. — Сейчас же отправляйся к себе. Пока еще не поздно. И найди мне антидот.
— Какой еще антидот?

Хия скрылась за можжевельником, но ее последние слова рванули в голове Джоуи, как петарда:

— Антидот от зомбийного яда.

Дайан Кертис Риган.
Моя подруга зомби